

В.В.Голубев

В.В.ГОЛУБЕВ: СТАТЬИ О ВОСТОКЕ И ОБ ИСКУССТВЕ

Имя Виктора Викторовича Голубева (1878-1945), историка искусства и археолога, талантливого исследователя древностей, практически неизвестно в истории отечественной науки и культуры. Начав свой жизненный путь в Петербурге, он жил в Париже и скончался в Ханое. После окончания Петербургского, а затем Гейдельбергского университетов он обосновался в Европе, совершая отсюда путешествия по странам Востока. Четверть века Голубев работал во Французской Школе Дальнего Востока, стал первооткрывателем «бронзового века» Юго-Восточной Азии. Его труды по бронзам Тонкина, раскопки Тхань-хоа, исследования Анкора завоевали ученому мировую известность. Интерес к Востоку побудил Голубева начать собирать, ставшую знаменитой, коллекцию персидской и индо-исламской миниатюры, которую он усердно пополнял, путешествуя в Индию, Турцию, Египет и Судан.

В течение ряда лет в деятельности Голубева значительное место занимала Италия. В своих исследованиях по итальянской живописи он обнаружил влияние Востока на итальянских художников эпохи Возрождения. Одна из его ранних работ, «Монгольская раса в живописи треченто», посвящена «отблескам восточных культур» в венецианской живописи (Джотто, Беллини, др.).

Мысль о взаимопроникновении искусства Запада и Востока высказывалась и в других его исследованиях. Так, в работе «Легенды о Наги и Апсаре» Голубев выявляет архетип истории «об индийском принце и змее», которую он находит у древних народов, от скифской, южной Руси через Кавказ и Иран до Индии и Камбоджи.

Яркой исследовательской страницей в жизни Голубева явилась научная экспедиция в Индию (1910-1911). Отчет об этой экспедиции он сделал в своей статье «Путешествие по Индии», написанной в форме письма г-ну Мюллеру, отцу его друга и коллеги Шарля Мюллера. Ученый собрал богатый материал по искусству — скульптуре Элефанты и фрескам Аджанты.

В данной публикации читателям предлагается подборка статей Голубева, малоизвестных даже для западных исследователей его творчества.

М.И.Полевая

МОНГОЛЬСКАЯ РАСА В ЖИВОПИСИ ТРЕЧЕНТО

Чаще всего отблески восточных культур, которые произвели такое глубокое впечатление на умы художников Возрождения, мы находим в венецианской живописи. Великий венецианский художник второй половины XV века Джентиле Беллини долго жил в Константинополе по любезному приглашению султана. Вместе с подарками от правителя он привез на родину многочисленные рисунки, сделанные во дворцах и на базарах Стамбула. Позднейшие работы мастера и его школы свидетельствуют о том, что влияние этого путешествия продолжалось ещё долгое время. На некоторых картинах Карпаччо, особенно из цикла, посвященного Св. Стефану, присутствуют типичные детали, прямо заимствованные с мусульманского Востока.

Что касается чинквеченто, века Тициана и Веронезе, мы можем восстановить почти полную хронику ожесточенных сражений, которые венецианцы вели с турками, на основе одного только изучения больших композиций, до сегодняшнего дня сохранившихся в церквях и дворцах Венеции. То была эпоха колоссальной экспансии османской державы, последствия которой ощущались во всех странах Запада.

Но если мы рассмотрим эпоху более отдаленную, мы обнаружим — в произведениях искусства, происходящих как из Венеции, так и из Падуи, Вероны и других городов, поддерживавших культурные отношения с городом лагун, — образ другого народа, который переживал свои славные времена и перед которым простирались ниц поочередно и византийцы, и турки: я говорю о «татарах», несметным потоком обрушившихся в XIII веке на цивилизованный мир и едва-едва не заставивших Европу склониться под жестоким деспотизмом Чингиз-хана.

В 1295 году три знатных гражданина Венеции: Марко, Маффιο и Николо Поло из Сан Феличе вернулись домой после 24-летнего отсутствия, нагруженные огромными богатствами, собранными в империи Великого хана, и с рассказами о необыкновенных вещах. Они показывали оружие и украшения, еще не известные в Венеции. Они задевали за живое венецианское любопытство, замешанное на точных расчетах купца и неясных мечтаниях поэта. Истории Марко Поло, собранные в одну книгу, стали любимым чтением жителей Венеции. Надо ли удивляться, видя как художники Венецианской республики, разделяющие пристрастие своих сограждан к далекой и легендарной Катайе, выводили в своих

произведениях, уже тяготеющих к реализму, персонажи, столь ужасающие их врагов и столь чарующие их гостей?

В этом коротком сообщении я ограничился бы одним примером, который кажется мне наиболее значительным как по количеству характерных типов, так и по тому высокому месту, которое занимает в искусстве автор работы.

В Падуе, в капелле Св.Георгия рядом с Санто к 1837 году удалось расчистить скрытые под слоем штукатурки древние фрески, о существовании которых уже было известно по восторженным описаниям Микело Савонаролы и по упоминанию Вазари. Эти фрески не были отреставрированы; впрочем, они мало повреждены и хорошо различимы. Они были выполнены позднее 1385 года главным мастером Альтикьеро, примыкавшим к традиции Джотто и явившимся родоначальником самобытной и яркой школы на севере Италии. Сюжеты росписи взяты из преданий о жизни Христа и святых — о Св.Георгии, Св.Лючии, Св.Екатерине.

Три легенды заслуживают нашего внимания: они рассказывают о жизни трех святых мучеников, ставших жертвами язычников. Подробности их мученических смертей описаны в «Золотой легенде». Судя по произведению Альтикьеро, эти святые погибают в некой лимитрофной стране, на границе западной и монгольской культур, где смешиваются две расы — латинская и монгольская. Мы не будем здесь вдаваться в детальное изучение двадцати двух фресок капеллы Св.Георгия. Достаточно будет упомянуть некоторые из них, которые кажутся мне наиболее показательными.

Возьмем фреску, где Св.Георгий изображен на коленях перед палачом, который, стоя рядом с жертвой, держит в вертикальном положении свой меч. Можно подумать, что она навеяна казнью Св.Михаила Тверского, русского князя, обезглавленного татарами в Золотой орде за то, что он отказался поклониться идолам. За исключением мученика и нескольких воинов и детей, языческого жреца, который предлагает Св.Георгию покориться, и бородатого копьеносца свирепого вида, стоящего позади жреца, все остальные в этой композиции — татары. Кто-то облачен в итальянские доспехи XIV века; большинство, однако, одето в национальные костюмы: тюрбан, кафтан, широкую рубаху. У некоторых на головах остроконечные шапки или тибетейки, которые еще и сегодня носят казанские и астраханские татары.

Что касается оружия, то оно чисто западное и не привносит в целом никакого экзотического элемента. Тем не менее, один всадник в тюрбане, слева, держит перед собой стрелу, заставляющую нас вспомнить дождь

стрел, который обрушивал на своих врагов Тамерлан в тех легендарных сражениях, где обе расы боролись за превосходство.

В левом углу композиции мы обнаруживаем персонаж, внешний вид которого кажется мне крайне странным, искусственным, как фигуры в современном этнографическом музее. Разумеется, не в Падуе и не в Вероне мог Альтикьеро встретить подобный тип, но ничуть не более вероятно и то, что он мог происходить из Туркмении или из страны Великого хана. В общем, мы видим здесь обитателя северной, почти полярной области. Это самоед. На нем головной убор, отороченный мехом, плотно облегающий голову; что до лица, мы не можем подтвердить наше впечатление, однако нам кажется, что художнику служил моделью представитель не латинской расы. В анналах Венеции мы находим упоминание о путешествии, которое совершили в Гренландию в 1380-90 гг. братья Антонио и Николо Дзено, подобно братьям Поло. Из этих далеких краев наряду с рассказами, казавшимися фантастическими, предметами и костюмами они, очевидно, привезли даже несколько местных жителей. Возвращение же братьев Дзено точно совпадает со временем написания фресок капеллы Св.Георгия, так что уместно задаться вопросом, не воспользовался ли Альтикьеро предоставившейся возможностью сделать наброски для намеченной им работы.

Возьмемся теперь за рассмотрение другой серии фресок — мученичество Св.Екатерины — и выберем оттуда показательный пример.

Мы видим коленопреклоненную Александрийскую царевну, приговоренную к казни колесованием. Чудо только что свершилось: невидимые руки сокрушают колесо, и его осколки ранят поверженных наземь палачей. Здесь снова мы оказываемся в стране монголов. За исключением женщины справа, отводящей в сторону своего ребенка, а также одного верующего с еврейскими чертами лица в той же части композиции, который обращается с речью к воину в белых одеждах, все остальные фигуры — это татары. И в числе палачей снова присутствует один самоед, от которого здесь видна только голова.

Исследуем еще одну фреску, входящую в серию Св.Люции. Святая привязана к группе из четырех быков, и, несмотря на все их усилия, они не могут увлечь ее на казнь. Мастер хотел здесь подчеркнуть антитезу: столкновение верующих с язычниками, людей смиренных с теми, кто стоит на стороне палачей; первые — это итальянцы, латинская раса, другие — монголы. В этой детали просматривается отражение того глубочайшего ужаса, который внушали на Западе войны с узкими глазами, приплюснутыми носами и хищными челюстями.

Мы уже указывали, что серия «Жизнь Христа» представляет меньший интерес для нашей темы. Тем не менее, она включает, среди прочих, одну большую фреску «Распятие», где многочисленные татарские воины, перемешанные со всадниками лангобардского вида, должны привлечь наше внимание.

Альтикьеро был одним из тех мастеров, которые работают непосредственно с натуры. Сама жизнь была его учителем; он не заимствовал свои типы у других художников. Значит, мы должны задаться вопросом, каким образом ему удалось нарисовать эти своеобразные типы, происхождение и сходство с моделями которых неоспоримо. Должны ли мы допустить, что еще один венецианский мастер совершил путешествие на Восток так же, как это сделал Джентиле Беллини? Честно говоря, я думаю, что нет. Альтикьеро представляет нам персонажей, оторванных от родной земли; в его произведении не видно ни женщин, ни детей изучаемого нами типа. Этих монголов он встретил на площади Сан Марко, эскортируемых венецианскими воинами и окруженных толпой любопытных. То были либо послы, либо пленники. Тот, кто произвел бы тщательные поиски в венецианских архивах, непременно обнаружил бы там их след. Я бы удовлетворился констатацией единственного факта. Когда в 1380 году венецианцы заключили мир с венграми, они освободили всех их заключенных, и народ имел полную возможность изучить вблизи странный облик венгров и их союзников, среди которых, наверняка, были татары. Сама эта дата, 1380 год, очень близка к той, когда были созданы фрески Альтикьеро.

Чтобы сказать хоть несколько слов о Тоскане, по завершении разговора о Венеции, я отметил бы тот факт, что в «Капелле испанцев», в живописи треченто, покрывающей своды и стены, также фигурируют многочисленные лица с татарскими чертами. К большому сожалению для нас, до сегодняшнего дня не известно имя автора, которого ищут то среди флорентийских художников школы Джотто, то среди представителей сиенской школы. Этот пробел не позволяет нам выдвигать объяснительные гипотезы и делать сопоставления. В любом случае, эти фрески относятся к более ранней эпохе, чем фрески Альтикьеро, а тот факт, что они находятся в пределах Италии, которая особенно в XIV веке имела сравнительно мало связей с Востоком, заставляет нас предположить, что неизвестный автор или авторы какое-то время жили в Венеции. Вполне вероятно, что эти фигуры являются копиями, заимствованными из восточных манускриптов. Действительно, именно в XIV веке персидская миниатюра вступает в период своего расцвета.

В кватроченто татары видели, что они стремительно движутся к моменту своего заката. Мало-помалу власть захватывают турки-османы, становящиеся большой угрозой для стран Запада. В венецианской живописи все чаще встречается мусульманский тюрбан наряду с красным длинноворсным колпаком исламских воинов. Иногда все еще мелькнет монгольский лучник или купец, который, кажется, только что прибыл из Катайи.

В «Кодексе Валларди» существует рисунок Пизанелло, который, конечно, хорошо известен. Он изображает татарина с дьявольскими чертами лица, держащего в левой руке лук, а в правой — стрелу. Тот же самый татарин, по замечанию г-на Хиля, появляется на фреске в церкви Св.Анастасии в Вероне, где мы видим Св.Георгия, освобождающего принцессу. Он помещен слева, в глубине картины, в группе всадников рядом с особой царственного происхождения, отдаленно напоминающей Иоанна Палеолога, присутствовавшего на совете в Ферраре в 1438 году.

*Перевод с французского
Ю.Ю.Будниковой*

ЛЕГЕНДЫ О НАГИ И АПСАРЕ

Одним из самых известных среди народных преданий Камбоджи является предание, возводящее происхождение первой царской династии к женитьбе индийского принца на Наги (Nagi).

Согласно Камбоджийским летописям, сын царя города Индрапрастхи (Indraprastha, Дели), Прах Тхонг (Prah Thong), в незапамятную эпоху стал верховным правителем страны кхмеров, которая называлась в то время Кок Тхлок (Kok Thlok). Однажды вечером он был застигнут морским приливом и вынужден был провести ночь на песчаной отмели. Той ночью из морских волн вышла к нему юная Наги. Очарованный ее неземной красотой, царь взял ее в жены, и так было положено начало могущественной династии, которая правила страной в течение многих лет.

По словам Эмонье (Aumonier), легендарная чета еще и в наши дни освящает в некоторых деревнях Камбоджи главный ритуал обрядовых свадеб. «В то время, как родители молодоженов вращают маленькие металлические диски, на которых горит огонь священных свечей, не переставая звучит грустная мелодия древней песни Божественного Тхонга и Госпожи Наги, песни, которой все внимают с благоговением и которая вызывает у слушающих умиление, часто доходящее до слез» [1].

В статье, вышедшей в 1911 г., Л.Фино (Finot) собрал некоторые эпиграфические и литературные данные, относящиеся к этой легенде [2].

Из их сопоставления следовало, что история о Наги появилась в Индокитае в глубокой древности и что она фигурировала уже в китайских текстах VI века, относящихся к государству Фунань. Она же обнаруживается у тайландцев, национальный герой которых Пхья Руанг (Phya Ruang) был сыном принцессы из племени нага.

Едва сообщение Фино появилось в печати, Г.Кёдес (G.Coedes) сообщил о существовании на юге Индии двух надписей, датируемых эпохой династии Паллава (Pallavas), и нескольких тамильских поэм, где, бесспорно, отражается легенда, сходная с легендой об индийском принце и змее [3].

Оба эпиграфических текста относятся к 11 веку. Первый из этих документов, грамота Скандашиши (Skandacisya), отдает Наги в супруги царю Ашваттхаману (Acvatthaman), сыну Дроны (Drona), которого Паллавы почитали как одного из своих предков. Что касается второго документа, грамоты Нандивармана III (Nandivarman), в ней среди царей Паллавов упоминается некий легендарный Виракурча (Virakurcha), который также женился на принцессе змеино происхождения и получил от нее «знаки царского достоинства».

Г.Кёдес приводит следующие литературные источники: Манимехалаи (Manimegalai), переведенный на французский язык Винсоном (Vinson), Виккирама-сожан-ула (Vikkirama-sojan'ula), Калингаттупарани (Kalingattuparani) и Перумбаналлупадаи (Perumbanal'upadai).

Первая из этих поэм рассказывает о сказочном рождении Паллавы из Канчи (Kanci), сына Наги Пилвалои (Pilivaloi) и царя из династии Чола (Colas). Три других повествуют о верховном правителе Чола, который проник в мир нагов через пещеру и стал зятем царя змей, женившись на Наги. Так же, как и в «Манимехалаи», ребенком, родившимся от этого союза, был принц Паллава. Все четыре тамильские версии, хотя и относятся к генеалогической истории династии Чола, оказываются тесно связанными, на что обращает внимание и автор статьи, с мифическим происхождением царей династии Паллава. Нам представляется несомненным параллелизм между индийскими и кхмерскими редакциями легенды.

«Так же, — говорит Кёдес, — как в Камбодже Наги Сомы (Soma), поистине, является основоположницей нового рода и дает ему, в качестве вамшакари (основательницы рода), свое имя (Сомавамша — род Сомы или Лунная династия), так и индийская Наги, согласно грамоте Нандивармана III,

вручает Виракурче знаки царственного отличия и основывает, согласно тамильским текстам, новую династию, династию Гондаиман (Tondaiman), или Паллава». К этим моментам сходства можно добавить еще один. Согласно грамоте Скандашишьи (Skandacisya), Наги вступает в брак с Ашваттхаманом (Acvatthaman), сыном Дроны. Тот же самый персонаж, один из героев Махабхараты (Mahabharata), упомянут и в надписи Мисона (Mi-son), которая намекает на историю об индийском завоевателе и царице-змею [4]. Констатируя эти многочисленные аналогии, нам остается только присоединиться к мнению Кёдеса, который заключает свое исследование такими словами: «Как бы мы ее ни рассматривали, камбоджийская легенда приводит нас ко двору Паллавов. Этот факт тем более заслуживает внимания, что упомянутая легенда связана в Индокитае с именем Каундиньи (Kaundinya), на которого часто возлагают ответственность за индуизацию Камбоджи».

Вероятно, было бы интересно для изучения кхмерской истории продолжить исследования, столь удачно начатые Фино и Кёдесом, и посмотреть, возможно ли более детальное изучение основ этого мифа и установление его корней либо в самой Индии, либо в ином месте [5].

Индуистский фольклор богат повествованиями, в которых наги играют важную роль. Большинство этих преданий относится к местным культам, и они вполне могли родиться, так сказать, самопроизвольно в тех самых местностях, которые составляют их историческое обрамление. Не много найдется в Индии источников и прудов, которые не были бы связаны с преданием о каком-либо змееподобном духе, иногда злом, иногда добром, которого крестьяне почитают как «genius loci» («гений места», лат. — *прим. пер.*). Эти верования свидетельствуют о мистическом ужасе, смешанном с поклонением и почитанием, который внушает сельским жителям индийского полуострова грозная Cobra di carrello. Однако, каким бы привлекательным ни было для мифолога изучение верований, оно не входит в цели наших исследований. Иначе обстоит дело с группой легенд, в которых сверхъестественное происхождение приписывается некоторым историческим монархам Индии. Как образец этого типа можно привести родословную знаменитой кашмирской династии, первым предком которой был, вероятно, Нага Каркота (karkota) [6].

Возможно, князья Нага, которые правили в Декане и центральной Индии в эпоху династии Гупта, также считали себя потомками офиоморфных духов. Еще и сейчас большинство гондских вождей приписывают себе подобное происхождение, в Пенджабе также до нашего времени сохранились следы династии Нагов (Нагавамша) [7].

Не вызывает сомнения тот факт, что некогда в Персии, в Малой Азии и в Южной России, так же, как и в Гималайских районах и к северу от них, существовали царствующие семьи, произошедшие от змей. Все эти мифы представляют несомненные аналогии с легендами Паллаво и Камбоджи, но нигде, кроме одного случая, сходство не выражено до такой степени, чтобы можно было установить тесное родство между различными преданиями. Зато в легенде, на которую мы только что намекнули, обнаруживается столько параллелей с тамильскими и кхмерскими версиями, что, на наш взгляд, просто необходимо попытаться сделать сопоставление. Эта легенда рассказана Геродотом в 4-ой книге его «Истории» и относится к происхождению скифов. Вот ее текст:

«Оттуда-то (с острова Эрифии) Геракл и прибыл в так называемую теперь страну скифов. Там его застали непогода и холод. Закутавшись в львиную шкуру, он заснул, а в это время его упряжные кони (он пустил их пастись) чудесным образом исчезли.

Пробудившись, Геракл исходил всю страну в поисках коней и, наконец, прибыл в землю по имени Гиля. Там, в пещере, он нашел некое существо смешанной природы — полудеву, полузмею (Ехидну). Верхняя часть туловища от ягодиц у нее была женской, а нижняя — змеиной. Увидев ее, Геракл с удивлением спросил, не видала ли она где-нибудь его заблудившихся коней. В ответ женщина-змея сказала, что кони у нее, но она не отдаст их, пока Геракл не вступит с ней в любовную связь. Тогда Геракл ради такой награды соединился с этой женщиной. Однако она медлила отдавать коней, желая как можно дольше удержать у себя Геракла, а он с удовольствием бы удалился с конями. Наконец, женщина отдала коней со словами: «Коней этих, пришедших ко мне, я сохранила для тебя; ты отдал теперь за них выкуп. Ведь у меня трое сыновей от тебя. Скажи же, что мне с ними делать, когда они подрастут? Оставить их здесь (ведь я одна владею этой страной), или же отослать к тебе?». Так она спрашивала. Геракл же ответил на это: «Когда увидишь, что сыновья возмужали, то лучше всего тебе поступить так: посмотри, кто из них сможет вот так натянуть мой лук и опоясаться этим поясом, как я тебе указываю, того оставь жить здесь. Того же, кто не выполнит моих указаний, отошли на чужбину. Если ты так поступишь, то и сама останешься довольна, и исполнишь мое желание» [8].

Геродот затем рассказывает, как Ехидна, когда ее дети стали взрослыми, приказала произвести испытание луком, и как победитель, Скиф, стал хозяином края, которым владела его мать, и эпонимическим предком народа.

Легко выделить те детали, которые позволяют нам установить тесные связи между скифо-эллинским преданием, с одной стороны, и легендами южной Индии и Камбоджи, с другой. В повествовании Геродота речь идет о: 1) союзе мифического героя с женщиной-змеей; 2) о передаче царства от матери к сыну, то есть по материнской линии (*matrilinea*), и об установлении непосредственно вслед за этим династии, где власть передается от царя к царю, по мужской линии; 3) о небывалом луке, обращение с которым, совсем как в легенде о Каундинье, свидетельствует о сверхъестественной силе стрелка и подтверждает его полномочия на верховную власть.

Добавим, что в трех из четырех тамильских редакций, так же, как и в повествовании Геродота, герой легенды встречается Наги под землей, а не на отмели, как это происходит в Камбоджийской версии. Таким образом, в преданиях Южной Индии наземный характер феи-змеи, столь прямо определенный у скифов, более очевиден, чем в мифах Камбоджи, где Наги скорее морское божество.

Зато в индийских текстах, указанных Г.Кёдесом, нет никакого упоминания о луке, который играет такую важную роль как в истории Геркулеса и Ехидны, так и в истории о кхмерской прародительской чете.

Может быть, однако, что это лишь мнимый пробел.

В самом деле, грамота Нандивармана III сообщает нам, что царь Виракурча, предок Паллавов, получил от своей супруги Наги «знаки царского достоинства». Что это были за знаки? Паллавский текст, опубликованный Хультцшем (*Hultzsch*), содержит отрывок, который, может быть, поможет нам прояснить этот вопрос: «До конца дней любимым доспехом этого славного царя (Нандивармана) будет победоносный лук, украшение его руки» [9]. Впрочем, намеки на умение владеть луком часто встречаются в текстах Паллавов. Раджасимха (*Rajasimha*) хвалится тем, что он величайший, ни с кем не сравнимый лучник [10]. Или еще в текстах идет речь о луке, сеющем панику среди врагов [11]. Мы могли бы увеличить число примеров, но и те, которые мы привели, убедительно доказывают, в какой чести было у Паллавов грозное оружие их легендарного предка Дроны [12].

Из нашего изложения следует, что существуют неоспоримые аналогии между легендами, которые мы только что сопоставили, аналогии, далекие от того, чтобы казаться случайными, и которые, может быть, следует объяснять общими корнями [13].

Понт Евксинский и Меотида отделены от Южной Индии песками Арианы, гималайской грядой, равнинами Инда. Поначалу мы испытывали некоторые колебания в том, чтобы признать родственные связи между

преданиями, столь отдаленными друг от друга в географическом отношении. Но эта неуверенность отступила перед соображениями исторического характера. Известны многообразие иноземных племен, населяющих индийский полуостров, и та значительная роль, которую сыграли в этом переселении шакасы, или скифы. Возможно, проникновение легенды о царице-змее в фольклор местностей, подвластных Паллавам, было следствием одного из нашествий или инфильтрации скифов. Можно представить себе интерес к этой проблеме и ту важность, какую имело бы ее решение для историографов Камбоджи; но пока не будет пролит свет на происхождение Паллавов и их непосредственных предшественников, мало надежды прийти к определенным результатам [14].

Все, что можно сказать при имеющихся у нас в настоящее время сведениях об этой в высшей степени воинственной и победоносной династии, так это то, что она не представляется династией автохтонного происхождения. Даже если лингвистическое сопоставление между Паллавами и Pahlava=Parthava, то есть, Парфянами, высказанное некогда Уилсоном, не пользуется больше благосклонностью у современных ученых, тем не менее остается несомненным, что нужно прояснить некоторые вопросы, изучение которых могло бы упрочить связи между скифским миром и одним из могущественнейших родов Южной Индии [15].

Для тех, кто предпримет исследования, лишь намеченные в этой статье, будет важно установить этнологическое происхождение легенды, переданной Геродотом. Повествование этого историка о происхождении скифов носит «явный отпечаток фантазии греков» [16]. Это касается и другой версии мифа, которую нам передает Диодор Сицилийский, и где Юпитер, Папай у скифов, занимает место Геракла в качестве супруга Ехидны [17].

К счастью, обычаи и религиозные идеи скифо-сарматов достаточно хорошо известны, чтобы можно было узнать под эллинской маской подлинный облик предания, донесенного Геродотом.

Вряд ли стоит кого-либо убеждать в том факте, что лук — основное скифское оружие. Скифы были лучниками сколь искусными, столь и грозными, и именно один из них, Тевтарес (Teutares), по преданию, обучил Геракла пользоваться меотийским луком [18]. На оборотной стороне некоторых шакских монет обнаруживается это оружие в виде эмблемы, иногда в сочетании с диском или ваджрой (vajra) [19].

Установлено также, что матрилейность (matrvmca) еще оставалась в силе у народностей Меотии и Малой Азии в относительно поздний период древней истории [20]. Наконец, в недавних работах Ростовцева

подчеркивается то место, которое занимала в религиозных обрядах скифов Великая Богиня с человеческим лицом и телом змеи [21]. Ее изображения нередки. Особенность их в том, что хвост богини-рептилии разделен на две или несколько частей, каждая из которых завершается поднятой вверх змеиной головой. Мы обнаружили одно изображение подобного типа в скульптуре Матуры. Это ясное доказательство того, что шаки Индии, хотя и были сильно индуизированы, не вполне забыли свое прежнее божество-покровителя [22].

Фрагмент, о котором идет речь, принадлежал церемониальной арке (torana) и значится под литерой М.2.

В греческой мифологии Ехидна, дочь Тартара и Земли, обычно являлась в виде ужасающего существа, которое заманивало людей в свое подземное жилище и насыщалось их плотью. Соединившись с Тифоном, богом бури, она произвела на свет Лернейскую Гидру, Химеру, Сфинкса, Немейского Льва и других чудовищ... Вероятно, именно под влиянием скифских верований она принимает в повествовании Геродота почти человеческий облик и становится, как индийские и кхмерские наги, почитаемым предком целого народа. Представляется вероятным, что имя этого чудовища заместило имя скифского божества.

Уже в XVI веке Рабле высказал предположение об отношениях заимствования между легендой о Ехидне и легендой о Мелузине, такой, как она изложена в 1387 году Жаном Аррасским. Если это предположение верно, а в настоящий момент ничто не заставляет его отвергнуть, — мы, может быть, однажды придем к установлению легендарных родственных связей между первой королевской четой Камбоджи и знаменитым родом Пуату, принцами Лузиньянскими (Lusignan) [23].

Санскритская надпись из Амаравати, опубликованная Хульцштем, вводит в мифическую родословную Паллавов элементы, которые не вполне согласуются с легендой о Наги [24]. Согласно этому тексту, Ашваттхаман, сын Дроны, якобы женился не на королеве-змее, а на одной из апсар. Вот, впрочем, краткое изложение мифа: «По милости Шивы родился у Дроны лучезарный сын, по имени Ашваттхаман. Он стал риши (rishi), или отшельником. Однажды апсара Мадани, в окружении других небесных дев, приблизилась к одинокому убежищу, где жил сын Дроны, строгойше соблюдая аскетические правила. Святой увидел ее на берегу озера сидящей в тени ашоки и томно глядящей на влюбленные пары лебедей, которые резвились под спутанными листьями лотосов. Дева также его увидела и, мгновенно охваченная страстью к нему, стала его возлюбленной. Сын, родившийся от этого союза, получил имя Паллава».

Мы отказываемся, по крайней мере пока, подробнее исследовать это второе семейное предание Паллаво, которое нам представляется к тому же литературным по происхождению и созданным относительно недавно. Зато стоит отметить ряд соответствий, которые мы решили рассмотреть, между историей Ашваттхамана и Мадани и камбоджийской легендой, приводимой в надписи из Бакшей Чамкрон (Baksei Chamkron) [25]. Строфа XII этого текста читается буквально так: «Я высоко почитаю Мера, славнейшую из апсар, которую Хара (Нара) (Шива), Гуру трех миров, желая создать совершенное творение на радость трем своим очам, дал в жены великому риши (Камбу)». Аналогия между двумя этими преданиями очевидна. И в том, и в другом случае речь идет о махариши (maharshi), который женится на апсаре и потомки которого правят страной. Известно, что Камбу Свайамбхува (Svayambhuva) — предполагаемый предок кхмерских царей, так же, как Каундинья — предок их прежних сюзеренов, царей государства Фунань.

Л.Фино привлекает наше внимание к тому факту, что история Камбу и апсары Меры, за исключением единственного документа, который с определенностью упоминает о ней, сохранилась только в этнических и географических именах, таких как Камбуджа (Kambuja), Камбувамша (Kambuvamsa), Камбудеша (Kambudesa), Камбупури (Kamburiri) [26]. Он полагает вследствие этого, что камбоджийские цари пожертвовали своим родословным преданием в пользу родословного предания Фунани или что они сохранили его лишь как домашнее воспоминание, предпочтя, однако, в качестве своей родоначальницы основоположницу «Лунной династии» (Сомавамша), то есть Наги.

Как бы то ни было, проведенное нами сопоставление никоим образом не опровергает это мнение. Признавая за историей Камбу и Меры индийское происхождение и связывая ее с генеалогическими мифами Паллаво, мы полагаем даже, что представили новый аргумент положению Фино, который стремится признать близкое кровное родство между двумя великими царственными домами древней Камбоджи.

*Перевод с французского
Ю.Ю.Будниковой*

Примечания

1. Histoire de l'ancien Cambodge. P.11.
2. Sur quelques traditions indochinoises, Bull.Comm. archeol.de l'Indochine. 1911. P.32 (переиздание статьи, опубликованной S.Levi в «Melange»).

3. Etudes cambodgiennes, I. La legende de la Nagi, BEFEO, 1911, p. 301
4. BEFEO, IV (1904), p. 919.
5. Ж. Жуво-Дюбрей (G.Jouveau-Dubreuil) попытался объяснить этот миф историческим фактом: женитьбой одного из принцев Паллава на дочери военачальника, Шива-Сканда-Нага (Civa-Skanda-Naga). Сравни по этому вопросу Ancient history of the Deccan (1920), p. 55 sqq. У нас нет впечатления, что аргументы, выдвинутые этим автором, были бы решающими. Тот факт, что супруга Наги зовут иногда Ашваттхаман, иногда Виракурча, Коккилли (Kokkilli) или Пиливалаи (Pilivalai), неопровержимо указывает, по нашему мнению, на то, что речь здесь идет о легендарном предании.
6. См. Vogel J.Ph. Serpent-worship in ancient and modern India, отд. оттиск из Acta Orientalia (V.2, p.300 ect). Потомок Наги Каркоты, царь Лалитадитья (Lalituditya), вероятно, построил знаменитый храм Мартанда (Martanda).
7. Barth A. Les Religions de l'Inde, dans Quarante ans d'Indianisme, I. P.230. См. также «Snake tribes du Pendjab», из книги: Sir James G.Frazer. The Golden Bough (1920, V, v.II, p.316).
8. Геродот. История в девяти книгах. Перевод и примечания Г.А.Стратоновского. Л., 1972. С.189. (Прим.ред.)
9. См.: Hultzsch, S.I.I. («Надписи Южной Индии»). Т.II. Ч.III. С. 371.
10. Там же. Т.I. С.14 и 21.
11. Тот же текст. С.19.
12. Укажем по этому поводу на некоторое число барельефов в храме Байон (Ангкор-Том), где луку или колчану, лежащим на троне, воздаются царские почести. См. H.Dufour, le Bayon d'Angkor Thom, Gal. Inter., Табл. 36, 39 и 117. По поводу «Зала Лука» в Матхуре см. «Харивамша», лекция 84, т.I, стр. 352, в переводе Ланглау (1834).
13. Чтобы дополнить сопоставление, можно вспомнить существование в русском фольклоре «царя-змея», подобного нагадуже индийских и кхмерских легенд.
14. Ж.Жуво-Дюбрей вновь предпринял в «Древней истории Декана» исследование этого вопроса, которому он уже ранее посвятил очень познавательные страницы в своем труде о Паллавах (Pondichery, 1917). Тем не менее «тайна Паллавов» еще далека от своего освещения. Остается только подробнее исследовать связи, которые могли существовать между Паллавами и Пушанами (Puchan), упомянутыми в эпиграфических текстах, изданных Хульцшцем. См. S.I.I. («Надписи Южной Индии»). Т.II. Ч. III. С.362 и 370.
15. Напр., в знаменитой Гирнарской надписи говорится о присутствии посланника, принадлежащего к дому Паллавов, при дворе сатрапов, царствовавших в Апаранте. Стоит также указать в этой связи на иранские влияния в искусстве Амаравати и Мавалипурама, которым историки искусства и археологи, кроме И.Фергюссона, м.б., слишком пренебрегали до сих пор.
16. Les Antiquites de la Russie meridionale. P.161.
17. Там же, стр. 162 и след. Может быть, нужно установить параллель между именем «Папай», которым скифы называли Зевса, и словом «Баппа» в паллавских текстах, которое, по-видимому, тоже обозначало объект религиозного почитания. Некий «Баппа-Дева» якобы женился, по Жуво-Дюбрею, на царевне нагов. По мысли этого автора, речь, вероятно, идет об историческом персонаже. Мы же, скорее, говорили бы здесь о царе, приравненном к легендарному предку, являющемся в некотором смысле паллавской копией Геракла и Юпитера как супругов царицы-змеи.

— Об идентификации Юпитера и Папая см. Antiquites de la Russie meridionale. P.159. См. также Rostovtseff «Iranians and Greeks in South Russia». Oxford, 1924. P.107.

18. Antiquites de la Russie meridionale. P.163.

19. См. Rapson Edw.I. A Catalogue of the Indian coins in the British Museum. 1908. и Gardner P. The Coins of Greek and Scythic kings of Bactria and India in the British Museum. 1885. Pl,XXII, 4.

Эмблема «лук и стрела» на монетах Андры, может быть, не индийского происхождения, сравни Smith Vincent. Andhra history and coinage. ZDMG, 1902. P.670.

20. См., например, Cunecratoumenes Помпония Мель (1, 116). В Ликийи, где миф о Ехидне был особенно распространен, следы матриархата отмечены Геродотом (1, 173) и Николаем Дамасским (Fragm. hist. graec., t. III, p.461).

21. Rostovtseff M. Iranians and Greeks in South Russia. P.106 и след., Pl.XVIII, 4 и иллюстр. 17.

22. См. Catalogue of the Arch.Museum at Mathura, par J.Ph. Vogel, Allahabad, 1910. Pl.XXV.

23. См. статью Жюля Бодо (Jules Baudot) в «Melusine», t.XI (1912). P.162.

Напомним по этому поводу, что одна ветвь Лузиньянов (Lusignan) царствовала в XIV веке в Малой Азии (Малая Армения), то есть в регионах, которые почти можно было бы назвать родиной Ехидны. Возможно, это обстоятельство оказало некоторое влияние на произведение Жана Аррасского.

24. S.I.I.(«Надписи Южной Индии»). V.I. P.25, 28.

25. Переведено Г.Кёдесом и опубликовано в J.A., май-июнь 1909, с.497 и далее.

26. В Bull. Comm. arch. de l'Indochine. 1911. P.34.

Стоит напомнить по этому поводу, что в Сиаме существуют следы этой легенды, приводимой в Jinakalamalini. См. G.Coedes «Documents sur la dynastie de Sukhodaya». BEFEO, XVII... стр. 30.

НАСКАЛЬНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ АРДЖУНЫ В МАВАЛИПУРАМЕ И НИСХОЖДЕНИЕ ГАНГИ НА ЗЕМЛЮ СОГЛАСНО «РАМАЯНЕ» И «МАХАБХАРАТЕ»

Среди многих проблем, какие ставят перед нами храмы и скальные изображения Мавалипурама, предметом данного обсуждения является детальный рельеф, по традиции считающийся изображением Арджуны. Горельеф, на котором он представлен, — один из важнейших в Индии, как по богатству композиции, так и по совершенству исполнения.

Длина этой скалы около 27 метров, а высота 9 метров. Глубокая трещина разделяет ее на две части. Южная сторона заканчивается храмом в чистейшем стиле <династии> Паллава.

Рассматриваемый горельеф состоит примерно из ста пятидесяти <фигур> людей и животных, чудесно гармонирующих со скалой, служащей им пейзажем. Рядом с богом, в котором легко узнается Шива, отчетливо видна скульптура подвижника во вполне определенной позе умерщвления плоти. Он стоит на одной ноге, с руками, соединенными над головой, у него длинная борода и волосы, брахманский шнур одет через левое плечо. Много лет мы видели в этом аскете одного из Пандавов — Арджуну, в тот момент, когда он совершал свой долгий подвиг, чтобы добыть непобедимое оружие Индры. Тем не менее, подобная интерпретация никогда не считалась окончательной. Она не объясняла общего смысла композиции, центр которой очевидно отмечался трещиной в середине скалы. Скульптуры нагов в глубине этой трещины привели Фергюссона к убеждению, что здесь поклонялись змеям. С согласия нашего коллеги М.Жовье-Дюбрея, и после тщательного изучения данной проблемы я убежден, что могу предложить вам, господа, новое решение, основанное на тексте «Махабхараты». Сюжетом этого изображения, по нашему мнению, должно быть «Нисхождение Ганги на землю».

Отправной точкой нашей интерпретации был тот неоспоримый факт, что трещина в скале изображает реку. Во время муссона и до того, как по настоянию Археологической службы отверстие было закрыто, дождевая вода падала каскадом, омывая тела нагов, а в конце — хобот великолепной скульптуры слона, стоящего справа. Видно, что все люди и животные на <горельефе> повернуты в сторону этой реки. Очевидно, что здесь происходит значительное событие космического значения. О подобном событии рассказывают нам и «Махабхарата», и «Рамаяна»: царь Бхагиратха, тысячу лет совершая подвижничество, вынудил Шиву спустить на землю небесную Гангу. Мы считаем, что именно этот момент представлен нам здесь.

Легко, следуя повествованию великих эпических поэм, узнать два небесных подтверждения грандиозного события — чудесного нисхождения Ганги в низший мир: наги, указывающие путь стремительного потока, «гении», радостно покоряющиеся, и великие святые, громко возносящие молитвы. Создатель Мавалипурама оставил <оживление> картины на попечение самой природы, которая во время северо-восточного муссона окружает скалу облаками и молниями.

Интересно отметить, что в пещерном храме возле горельефа, скульпторы эпохи Паллавов изобразили на внутренней стене божественного пастуха Кришну, поддерживающего в воздухе огромную гору Говардхана и укрывающего таким образом от хлябей небесных пастухов

и стада Нанды. Не случайно, конечно же, мы находим здесь бок о бок двух высших божеств индуизма в деянии, долженствующем защитить человечество от суровой бури и опасностей потопа.

*Перевод с английского
О.В.Альбеидля*

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ИНДИИ

Дорогой господин Мюллер,

Вы попросили меня написать несколько страниц о вашем сыне Шарле, а также принять участие в составлении сборника, посвященного его памяти, который его друзья рассчитывают выпустить в свет в ближайшем будущем. Мне посчастливилось объехать с Шарлем часть Африки, Индию, остров Цейлон; в течение долгих месяцев жить рядом с Мюллером, неизвестным широкой публике, сокровенные мысли которого, если они не поверялись бумаге, ускользали от его товарищей в повседневной жизни. Таким образом, получается, что я пишу вам о моих путешествиях, делаясь с вами моими воспоминаниями...

Я выбрал Шарля себе в спутники из-за его твердого и вдумчивого характера и неизменно хорошего расположения духа, а отчасти также из-за его спортивной комплекции. Я никогда не был знаком с человеком, организованным лучше, чем он. Профессия писателя заставляла его до изнурения трудиться за письменным столом бессонными ночами, вести обширную переписку, не говоря уже о его книгах и театральных пьесах, — но он не чувствовал ни малейшей усталости. Двухнедельное пребывание в Бретани, поездка в Швейцарию, где за недостатком времени он ограничивался несколькими партиями в теннис или футбол, быстро восстанавливали нарушенное равновесие. Мышечное напряжение предохраняло его от умственного переутомления, поддерживало «в форме», как он часто говорил. Он обладал здоровьем и большой физической силой.

С первой нашей встречи я угадал в нем прирожденного путешественника, идеального товарища в походах, каким он рисуется воображению в четырнадцать лет, когда ты находишься в музее или читаешь книги Жюль Верна. Я быстро принял для себя решение. Он согласился с радостью, без долгих слов. Я предложил ему поехать в Египет и в Судан. Он поехал бы на Северный полюс, если бы я его об этом попросил.

Наше первое путешествие, во время которого мы поднялись по Белому Нилу до Фашоды, длилось всего восемь недель; но по возвращении, в марте 1909 года, было решено через год отправиться в новое путешествие, в Индию.

В самом деле, 7 октября 1910 года мы сели в Марселе на борт пассажирского судна, принадлежащего Полуостровной и Восточной Кампании.

Первым этапом нашего путешествия был Бомбей. Поездка должна была продлиться шесть месяцев. Я задумал осуществить ряд исследований, касающихся индийской иконографии. По прибытии нам предстояло изучить материалы на месте, войти в контакт с английскими и индийскими чиновниками, которым я был рекомендован, купить книги и карты, нанять профессионального фотографа, пополнить наше лагерное снаряжение и запастись консервами и медикаментами. Только к середине ноября мы оказались готовы выехать на плато Декан.

Двадцать девять пещер Аджанты, которые Шарль, должно быть, часто вам описывал, расположены в штате Хайдерабад, в каких-нибудь восьмидесяти километрах от города по железной дороге. Между собой их связывают тропы, становящиеся непроходимыми во время муссонных дождей. Они окружены джунглями, чуть подальше расстилаются маисовые поля, сменяющиеся хлопковыми плантациями. Некогда эти пещеры служили пристанищем буддийским монахам и многочисленным странникам; сейчас они пустынные, и местные жители, будь то индусы или мусульмане, избегают к ним приближаться. Аджанта едва отмечена в путевых заметках Кука и Си. Но историки искусства знают, что там находятся самые древние настенные росписи в Индии... Обширные залы, вырубленные в скале, часовни с полукруглыми нефами, приземистые колонны, которые выдерживают вес целой горы, покрыты изумительными фресками. Хотя фрески повреждены во многих местах и часто едва различимы, тем не менее они являют собой уникальное собрание древней индусской живописи и потребуются годы, чтобы тщательно изучить все сокровища Аджанты. Я привез с собой несколько сотен фотонегативов и надеюсь когда-нибудь возобновить работу, начатую с Шарлем шесть лет назад.

Храм Кайласа в Элuru, куда мы затем отправились, был для вашего сына словно отзвук дорогих ему зрительных впечатлений детства. Брахманические скульптуры не испугали его. Выросший на берегах Роны, он любил готические соборы, ему нравились средневековые химеры и дьяволы. Гигантский монолитный храм поразил его воображение, и он охотно

сопровождал меня из лагеря в Раузе по пути к равнине, расстилающейся за стеной скал, в царство вечного покоя, жилище бога Шивы.

Наше второе пребывание в Бомбее было краткосрочным. Оно заняло столько времени, сколько потребовалось на то, чтобы отправить письма в Европу, пересмотреть наши тюки и пожать руку нескольким друзьям, а затем мы отбыли на север Индии. Многочасовая остановка в Бхилсе позволила нам осмотреть ступу Санчи, двухтысячелетний купол которого величаво вырисовывается на фоне дикого пейзажа, оживляемого сойками и попугаями.

На следующий день мы прибыли в Агру и тотчас же посетили Тадж, самый роскошный мавзолей Индустана. Его перламутровый фасад и бирюзовое небо над ним очаровали нас, как сказка из «Тысячи и одной ночи».

Целый месяц был посвящен резиденциям Великих Моголов. Прекрасные и трудовые утра! Я намеревался за время моего пребывания в Северной Индии пополнить свою коллекцию персидских и индийских миниатюр. И вот теперь моя комната была заполнена томами Корана и «Шахнаме», украшенными изящными миниатюрами, каллиграфическими альбомами, образцами могольской и раджпутанской живописи, которые молчаливые и приветливые торговцы каждый день приносили мне охапками. Иногда мы отправлялись на базар к какому-нибудь антиквару высшей касты, который по слухам являлся обладателем ценных манускриптов. В Дели я случайно обнаружил серию китайских картин, недавно привезенных из Тибета. Большой свиток эпохи Мин, изобиловавший императорскими печатями и тщательно выведенными подписями, показался мне настоящим произведением искусства.

Там был портрет императора Лю Тонг Пина, представленный в 1912 году на выставке из музея Чернуски.

В Агре и Дели находится бесчисленное количество мечетей и надгробных памятников, окруженных садами, крепостей из красного песчаника и покрытых глазурью кирпичей, беломраморных дворцов. Окрестности этих городов, подобно римским, усеяны развалинами. Нам всегда было чем заняться в послеполуденное время, а день обычно заканчивался охотой на крокодила на берегу Джамны, откуда мы возвращались, окоченевшие от холода, при свете луны.

Новый год застал нас в Лахоре. Мы были на праздничном ужине у английского адвоката, очень любезного старого холостяка, который каждый год посещал Париж и привез из своей последней поездки грамофон. Чтобы оживить вечер, он прокрутил несколько дисков. Мы

слушали, окутанные сигарным дымом, арию Кармен в исполнении Люсьен Бреваль, когда с первыми ударами полночи раджа, живший по соседству, прислал доложить о себе нашему хозяину. Это был Его Высочество махараджа Сахиб Булдао Сингх, раджпутанский князь из прославленного рода и глава независимого государства с тридцатью тысячами жителей, затерянного на дне горной гималайской долины на высоте двух тысяч метров. Зимы он проводил в Лахоре, спасаясь от ревматизма, и управлял своим крошечным государством, диктуя длинные телеграммы своему визирю.

Хозяин дома представил нас князю и заговорил с ним на хинди об Антанте; а раджа, важный и молчаливый, пригласил нас благосклонным жестом посетить его резиденцию.

Это получилась экспедиция в миниатюре, подготовленная и проведенная на скорую руку и подробно описанная в письмах Шарля. Прибыв в столицу Его Высочества, мы были поселены в бунгало, вблизи небольшого храма, посвященного богу обезьян Хануману, и сразу же в нашу честь были организованы грандиозные облавы. Были застрелены множество кабанов, несколько красивых черных медведей с белыми воротниками, косуля и пантера.

И каждый вечер, чтобы мы забыли о тяготах дня, тридцать сипаев раджи собирались под нашими окнами, играя на флейтах и барабанах, в то время как в холле двое усердных слуг откупоривали бутылки White Star и поддерживали огонь в огромном кирпичном камине, где пылали смолистые поленья.

Погода между тем нам не благоприятствовала. В горах шел снег, и дул сильный ветер, в долинах шли дожди — шум низвергающихся потоков становился все более и более угрожающим; туман окутывал местность... Только раз я разглядел поверх деодарового леса ледники Нангапарбат, очень далекие и розовые в закатных лучах...

Возвращение было нелегким делом, но вдумчивый ход наших мулов и нашего слона, который маневрировал на размокших склонах и меж пенистых водопадов с осмотрительностью шахматного игрока, избавил нас от всех опасностей, и 15 января, живые и здоровые, мы снова были в Лахоре.

Нам потребовалось изменить маршрут, чтобы прибыть в Калькутту к намеченному сроку... Мы отказались от посещения Амритсара, Алвара, Лакхнау, но остановились в Джайпуре, розовом городе; там мы познакомились с г-ном Робером Шовлё, будущим автором «Парвати», перед клеткой с тиграми, вдохновившей его на прекрасные рассказы об охоте.

С выставкой в Аллахабаде было «покончено» за одно утро, что позволило нам провести целых три дня в Бенаресе, потолкаться в пестрой толпе, побродить по тихим туземным кварталам и с обеда до самого вечера гулять вдоль Ганга, по мраморным террасам, где дым от костров смешивается с ароматами гвоздики и кардамона.

Мы провели в Калькутте около двух недель. Я использовал это время для приведения в порядок моих фотографий и путевых записей, для отправки посылок в Европу.

Нас хорошо приняли повсюду, в английских и местных кругах, и каждый день мы получали приглашения на ужин.

Братья Тагоры занимают среди бенгальской знати особое место. Они основали художественную школу, в которой возрождаются традиции могольской живописи, а их дом, где на каждом шагу наступаешь на цветки жасмина и ноготков, полон таким широким диапазоном резонансов, хрустальных звонов и звуков мелодичной речи, что кажется, будто жара снаружи покрывает его свинцовым колпаком. Мы часто там бывали. Это были настоящие психотерапевтические сеансы. Молодые поэты читали свои произведения приглушенным голосом, обернутые в мягко драпированные белые тоги. Слепой музыкант играл на вине, или же совсем маленькая девочка, украшенная цветами, как идол, рассказывала нам эпизод из Рамаяны. Над ней висела клетка из железных пластинок, в которой сидел зеленый попугай.

Я отмечал между тем, что Шарлю все меньше и меньше нравилось в Калькутте: «Здесь слишком пахнет английским табаком», — воскликнул он однажды во время прогулки по Чоринги... По многим причинам он предпочитал низкосортный табак типа «Navy cut» и сожалел об Индии времен французского губернатора Дюплекса.

Что касается «бабу», тупого и корыстолюбивого, этого необходимого винтика административного механизма Индии, Шарль относился к нему весьма отрицательно. «Презренный надутый царек», повторял он, имитируя эльзасский акцент и озабоченный вид мсье Сигизмунда (он только что перечел «Фромона младшего и Рислера старшего») и добавлял: «Здесь никогда не смеются от всей души». — И правда, в Индии никогда не смеются так, как у нас.

Если я правильно помню, именно в Калькутте, во время послеобеденного отдыха в отеле Норд, Шарль заговорил со мной о романе, первые главы которого он собирался начать писать. Дело происходило в Бомбее. Сюжет был несложным. Француз женится на девушке парси, после того как он принял религию зороастризма. Их союз далек от

безоблачного. Соединивший их мираж и два существа, которые поверили мгновению любви, отказавшись каждый от традиций своей расы, оказываются перед лицом трагической действительности.

Конечно, это был сюжет целой книги, и сколько прекрасных и забавных страниц можно было написать о Бомбее, этом неизвестном городе, который все еще ждет своего романиста в нашу эпоху литературного экзотизма. День за днем Шарль собирал в свою тетрадь множество живописных подробностей, и у него не возникало трудностей с описанием обстановки, в которую он поместил своих героев... Малабар-Хилл, где живут европейцы и богатые индийцы в окружении экваториальной флоры; великолепный рейд, разогретый солнцем и сверкающий под его лучами; Правительственный дворец, где представитель британской короны принимает приглашенных, окруженный сикхскими уланами, молчаливыми и свирепыми; широкие пляжи, волшебное оживление которых в часы бриза еще никто не передал; «башни молчания»; праздник кобр и муссонов; кокосовые пальмы Махина; сострадательные джайнисты, кормящие муравьев сахаром и мукой на восходе солнца; рынок лошадей, где князя Бонделькхунда и Раджпутана запасаются чистокровными арабскими скакунами; наконец, этот таинственный остров Элефанта со своим трехголовым исполином, прячущимся в тени вырубленного в скале портала... В этой палитре явно не было недостатка в красках, их был почти что переизбыток!

Шарль присутствовал на индийской свадьбе, знал, как производится экспертиза жемчуга, и как, в уединенных местах, за стеной манговых и банановых зарослей, куда не проникает взор европейца, жгут местных жителей, умерших от чумы... Он собрал множество материалов о парсах и маздеизме. Я дал ему почитать труд Д.Менана. Он вернул мне его со множеством карандашных пометок на полях, подчеркнув некоторые места, которые, по его мнению, следовало перечитать. Ему хотелось как можно глубже проанализировать психологию избранного племени, сохранившего чистоту крови на протяжении стольких веков и благоговейно передававшего от отца к сыну, вместе со священным огнем своих алтарей, верования халдейских волхвов. Шарль стремился воздать должное зороастрийским общинам, заставить европейских читателей оценить их сострадательный идеализм и первобытную чистоту их нравов. К тому же у нас было среди них множество друзей. Нет ничего более гостеприимного, чем дом парса! Вас примут там, как в парижском салоне, будут говорить с вами по-французски, окажутся в курсе всего, что происходит во Франции, касается ли это политики или театра, а на фортепьяно будут

в беспорядке разложены книги в желтых обложках. Шарль преподнес парсйской даме экземпляр «A la Maniere de...»; — она приняла подарок с радостью, но чуть погодя заметила, что у нее уже есть такая книга.

Прискорбно, что роман остался незавершенным. Я не прочел ни главы из него, а после нашего отъезда из Индии о нем уже не шла речь. Предчувствовал ли Шарль, что по возвращении он не будет больше принадлежать себе самому и что времени у него будет только на то, чтобы отвечать сердечными, но лаконичными записками на длинные письма, присылаемые ему нашими индийскими друзьями? Возможно также, что он опасался придавать произведению такого размаха тропическое обрамление. В одной из своих остроумных пародий он дает ироничное описание океанского пляжа, «усеянного зелеными черепахами, кокосовыми орехами и ветками коралла...» Неужели эти язвительные строки смутили сознание нарождающегося романиста? Кто может ответить? Нельзя безнаказанно быть автором «Папаутемари»...

Дата нашего отбытия в Европу приближалась, а нам надо было еще посетить Южную Индию и Цейлон: «Пошевелимся!» — приговаривал Шарль. По причине жуткой жары мы выполнили программу почти что в рекордные сроки. Сам мистер Филеас Фог не справился бы с этим быстрее. Переезд из Тутикорина в Коломбо был ужасным. Мы шли в разбушевавшемся море, и все пассажиры страдали морской болезнью... Даже Шарль! Но он держался дольше других и на заре уже наблюдал, невозмутимый, как пилот, длинные желтые волны с капитанского мостика, и с которого исчез, едва показались берега Цейлона. Я описываю этот случай, потому что не помню ни одной другой ситуации, когда бы я видел Шарля смирившимся и отказавшимся от борьбы.

Путешественники, посещающие Цейлон, не должны упускать возможность объехать остров на автомобиле. Это единственный способ осмотреть его за пять-шесть дней. Дороги там превосходные, и за несколько часов вы переместитесь из Коломбо в Канди, столицу Сингалезии, а оттуда к скале Сигхири и руинам Анурадха-пура... В кокосовых лесах, которые тянутся вдоль побережья, сменяя чайные плантации, огромные деревья окружают вас тенью, пронизанной ароматом корицы, а прямые, как стрела, арековые пальмы взмывают вверх из запутанного тканья лиан; на высоте тысячи метров над уровнем моря начинается зона древовидных папоротников, над которой царит, видный отовсюду, пик Адам, — север острова сплошь покрыт серыми джунглями и рисовыми полями, но от этого еще более ценными кажутся птицы и

бабочки сверкающих окрасок, и отсветы их крыльев поминутно расцветают голубыми и красными искрами однотонный пейзаж...

Поездка по Цейлону знаменовала конец нашего путешествия. Мы начали ощущать то утомление, которое знакомо каждому, путешествующему в далеких землях... И потихоньку, посреди всего этого великолепия, превосходящего самые пылкие грезы нашего детства, нами овладело желание вновь увидеть Париж. У Шарля уже была намечена программа действий после возвращения. Поль Ребу требовал его участия в новой серии «А la Maniere de...» Его ждала также работа над театральной пьесой, над ревью; Figaro и Journal просили статей. А кроме того, мы мечтали об умеренном климате... не грозящем солнечными ударами, без термитов, без муравьев в комодах и чемоданах! И потом, какая это прекрасная вещь — обходиться без вентиляторов, спать так, как все спят у нас, в этих славных странах мягких широт, не просыпаясь внезапно каждые полчаса в страхе потерять сознание... Определенно, это была тоска по родине! В тамильском книжном магазине в Коломбо, где продавались французские романы по 95 сантимов, мы считались лучшими клиентами.

«Лето мы проведем в Бретани», — говорил Шарль. «Мы» — это был он, его жена и Шоншон, собака. Он страстно любил родные пенаты, пески и утесы Северного берега. Именно там 1-го августа 1914 года его достиг гул набата всеобщей мобилизации.

Обратная дорога была без приключений. Мы расстались в Генуе. Он спешил добраться до Парижа, я рассчитывал несколько дней провести в Ницце. Прежде чем пожать друг другу руки, мы поднялись на террасу отеля Мирамаре, откуда открывался великолепный вид на порт. Возле огромного океанского парохода компании «Lloyd italien» мы разглядели готовое к отплытию пассажирское судно, доставившее нас с Цейлона.

Неделю спустя я встретил Шарля в салоне на Авеню Ош. Он был в черной визитке, и только легкий загар выдавал его недавнее пребывание в тропиках. Он обменялся рукопожатием с г-ном Брианом и слушал г-на Анатоля Франса. «А вот и он!» воскликнули его друзья, заметив его у камина Людовика XV. Хозяйка дома, улыбаясь, объявила о его возвращении своим гостям. Литературный и политический Париж получил обратно Шарля Мюллера.

Нужно ли говорить вам, что за время наших путешествий ни единого недоразумения или мимолетней ссоры не омрачило нашего согласия? Если бы не разразилась война, мы вместе посетили бы Китай и Японию. А как я любил, когда утром он приходил провести время со

мною среди моих коллекций и книг! Наше путешествие оживало тогда в воспоминаниях с такой силой и точностью, что это очень напоминало ностальгию, и часто маленький Будда из непальской бронзы, стоявший на моем письменном столе и сверкавший на солнце так, как будто он был сделан из чистого золота, вызывал у нас в памяти вид гималайских лесов и снегов...

Вам известны письма Виктора Жакмона. Существует сходство ума и характера между вашим сыном и известным французским ученым, умершим в Бомбее, в 1832 году, в возрасте тридцати одного года. Это те же естественное спокойствие, веселость и добросовестность, основывающиеся на постоянном труде и потребности быть приветливым со всеми, кто к тебе приближается, быть полезным им; это также — воспользуюсь выражением Проспера Мериме, — тот же изысканный такт в разоблачении смешного. Возможно, между ними было и физическое сходство. Я никогда не видел портрета Виктора Жакмона, но его друзья описывали его как человека очень высокого роста, худого и производящего на всех впечатление сдержанной энергии и здоровья.

Были ли в Шарле, помимо его литературного призвания, задатки великого натуралиста? Я охотно подтверждаю это. У него была от вас живая склонность к естественной истории. Наблюдатель по натуре, он любил животных и растения. Он брался с белками и не мешал обезьянам из леса Матеран листать его книги. И когда в джунглях, в час ужина, он садился за складной стол, то долгим восхищенным взглядом следил за бесчисленным множеством диковинных насекомых, кишевших на белой скатерти в свете лампы с рефлектором. Сколько раз я видел его спускающимся с лошади, чтобы подобрать округлый булыжник или кусочек кварца, или зачарованно остановившимся перед столетним баньяном, висячие корни которого образовывали словно бы занавес из нестянутых веревок! Он глядел на мир с неослабевающим любопытством, и можно было догадаться, что его глаза, похожие на хорошо подогнанные линзы, улавливали только полные и четкие изображения. Этим представлениям, таким точным и согласованным, чудесно соответствовала простая и взвешенная речь. Он охотно цитировал Лабрюйера: вы хотите сообщить мне, что идет дождь, или идет снег, тогда скажите: идет дождь, идет снег...

Инстинктивно он интересовался моими исследованиями и изысканиями историка искусства и быстро схватывал аналитические методы, которые я старался применять, но его ум, глубоко позитивный, охранял его от всего, что казалось переходящим границы реального, и «индийская

мудрость» не оказала на него влияния. Добавлю к этому, что на всех широтах, будь то в Судане или в Индии, ваш сын постоянно следил за своим здоровьем. Он избегал переутомления, его послеобеденный отдых был непродолжительным, но достаточным для того, чтобы восстановить силы; опиум и кокаин для него не существовали. Он употреблял мало алкоголя. Я никогда не видел его больным или хотя бы изнуренным тропической жарой. Он отлично преуспел бы в колониальной карьере, доводя до успешного конца долгие и рискованные экспедиции.

Шарль сохранил добрую память о своей военной службе. Он научился там, по его собственному выражению, «куче полезных вещей», и никто не умел лучше него выбрать место для лагеря, организовать переход через реку вброд, установить походную кухню. Он соперничал с моим верным Луи в искусстве жарить отбивные на огне из веток. Хороший стрелок, он целился без спешки и с точным расчетом, решительно предпочитая нарезной карабин охотничьему ружью. Еще я восхищался той легкостью, с которой он читал карты и ориентировался на местности. И как ему удавалось расспросить о дорогах и бунгало деревенских старожил в самом центре Декана, не говоря на их языке?

И все же, если бы кто-нибудь сказал ему в 1910 году, что однажды он заслужит свои погоны младшего лейтенанта на поле битвы, для него это было бы самой большой неожиданностью. Как и многие другие, он не верил, что война так близка. И еще меньше думал он о смерти! Его жизнь была полна надежд и свершений; всего себя он отдавал своему труду; его репутация писателя, так блестяще приобретенная, была прочной и неоспоримой; те, кого он любил, рассчитывали на него, и он оказывал им широкую материальную поддержку; спокойная старость казалась ему обеспеченной, после долгих лет напряженного интеллектуального труда. «Когда мне перевалит за шестьдесят, я отправлюсь жить на ферму, окруженную яблоневыми садами, где производят сидр...», — сказал он мне однажды туманным утром на Ниле.

Поистине трагически должна была сложиться его судьба, чтобы Шарль Мюллер умер в возрасте тридцати семи лет!

Действующая армия.
Ноябрь, 1916 год

Перевод с французского
Ю.Ю.Будниковой

Статьи соответственно приведены по источникам: Bull. de la Société Nationale des Antiquaires de France, 1907, p.239-245; BEFEO, XXIV, Hanoi, 1925, p.501-510; The Journal of Oriental Research (Madras), 1914, p.8-10; Préface [en vers] d'Edmond Rostand. — Paris, 1918, p.209-231.